

Янка Рам

УЯЗВИМОСТЬ

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4
Р21

Рам Я.

Р21 Уязвимость/ Я. Рам, – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM,
2021. – 394 с.

ISBN 978-5-517-05019-9

С определённого момента жизнь Александры разделяется на две реальности. Одна – обычная, где много проблем, сложные отношения, работа. Другая – приходит с темнотой и одиночеством. У неё есть запах, голос, чьё-то присутствие за спиной и внимательный взгляд. И эта пугающая реальность с каждым днём всасывает Сашу всё сильнее, открывая в ней неожиданные для неё самой детали, склонности и пристрастия.

BIC FP
BISAC FICO27010

ISBN 978-5-517-05019-9

© Янка Рам, текст, 2021
© Я.С., обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

Темнота. Абсолютная. В голове гул.

Нащупываю руками поверхность, на которой лежу. Мягкое что-то...

Отталкиваюсь от неё ладонями, сажусь. Какая-то кровать или диван... Свешиваю ноги. Слепо и растеряннo веду руками, ощупывая вокруг себя пространство.

— Спокойно.

— Мамочка... — судорожно выдыхаю я, вздрогнув от страха. И пытаюсь вдохнуть, но выходит плохо. Какие-то рваные судороги вместо дыхания. И даже закричать не получается!

— Не нужно кричать, Саша. Ты в безопасности.

Чувствую запах. Дорогой, мужской, тяжеловатый... Мне даже на мгновение кажется, что я уже где-то чувствовала его. Но вспомнить не могу.

— Дыши... Дыши глубже... Через нос. Всё хорошо.

Послушно громко и быстро вдыхаю.

Кто это?! Где я?!?

Это он, я чувствую! Он самый...

— Нет! — меня перехватывают за руки. — Повязку снимать тоже не нужно.

Руки у него горячие и сухие. Голос очень спокойный. Сильный и проникновенный. Низкотембральный...

Говорит очень тихо. Но каждое слово — словно увесистая печать.

— Не надо... — в шоке выдыхаю я.

— Что именно — «не надо»? Тебе ничего не грозит. К тебе никто не прикоснётся. Очень скоро ты выйдешь отсюда. Невредимой и нетронутой.

В его интонациях нет надменности. Или какого-то вызова. Никакой демонстрации своей власти или угроз. Он говорит со мной медленно, успокаивающе, как врач-психиатр с буйным пациентом. Я слышу в его голосе заботу, и даже трепетность. Но это абсолютно не делает этот голос менее внушительным или обещающим какие-то уступки. И от этого я впадаю в ещё большее оцепенение. Потому что не могу представить ни одной ситуации, в которой психически здоровый мужчина может так говорить с похищенной им женщиной. И я опять начинаю истерично дышать, погружаясь в паническую атаку. В голове несутся всякие картины из фильмов ужасов про маньяков. Мне кажется, они именно так говорят со своими жертвами. Играют с ними, как с куклами. И мои завязанные глаза тоже как элемент игры. Но шокированно понимаю, что его приказ не снимать повязку я буду исполнять. Потому что если я увижу его лицо...

— Пожалуйста, отпустите меня.

Я не знаю, зачем это говорю. Что вообще говорят больному на голову извращенцу, находясь в его власти?!

Господи... Я же знала, что это просто так не закончится!

— Саша... — очень мягко. — Мне жаль, что ты так напугана. Но здесь тепло, чисто и совершенно безопасно. Я тебе гарантирую это. Не надо бояться. Мне не нужен твой ужас. Мне нужно, чтобы ты успокоилась. Я сделаю несколько фотографий и отпущу тебя.

— Каких фотографий? — в ужасе сжимаюсь я.

— Красивых...

Красивых?... Слёзы начинают течь по моим щекам.

— Покажи мне, пожалуйста, свои кисти...

Сдерживая рыдания, протягиваю трясущиеся руки.

— Не надо! Пожалуйста... Не трогайте меня...

— Обними себя за плечи.

Мне и самой дико хочется сделать это, чтобы как-то прикрыться и защититься.

Слышу несколько щелчков фотокамеры.

— Я только сфотографирую. Ты не будешь обнажаться, я не буду прикасаться. Ты слышишь меня?

— Да... — выдыхаю я.

— Что тебя так пугает?

— Вы меня похитили...

— Да. И скоро отпущу.

— Зачем?... Чтобы сделать фото? Вы могли бы просто договориться со мной об этом. Вы же знаете, что я подрабатываю натурщицей. Зачем Вы так сделали?

— Я сделал так потому...

Ещё несколько щелчков...

— Саша, кисти на шею, пожалуйста. Предплечья крестнакрест. Так, чтобы пальцы обхватили подбородок и челюсть. Расслабь пальцы. Лицо чуть выше. Прекрасно... Спасибо... — его голос снижается до шёпота.

Несколько щелчков фотокамеры.

Моё дыхание немного успокаивается. Он правда меня отпустит?!

— Распусти, пожалуйста, волосы.

Послушно делаю всё, что он просит.

— Пальцы в пряди, лицо опустить... Расслабь губы...

Щелчки камеры.

— Спасибо... Сними, пожалуйста, свитер.

— Но Вы же сказали... — всхлипываю я.

— Только свитер. Мне нужны твои плечи. Несколько снимков — и ты наденешь его обратно. Тебе понравятся эти фото. Обещаю.

Стягиваю свитер, оставаясь в тонкой маечке. Меня не смущает моё тело, я знаю, что оно красиво. И спокойно обнажаюсь перед художниками. Но сейчас... Это ужасно просто! И мне хочется спрятаться. Моё тело зажато. Я едва могу оторвать от себя локти, чтобы выполнить его просьбу.

— Я сделал так потому, что когда спадёт первый ужас... И ты почувствуешь, что тебе ничего не грозит...

Ощущаю, как его пальцы едва ощутимо поправляют волосы на моём плече.

— Но... Оставаясь во власти незнакомого мужчины, в моей власти... Оставаясь беспомощной... Ты вдруг почувствуешь... — его шёпот приближается, и запах становится ярче. — Ты почувствуешь...

Меня окатывает горячей волной, и дыхание сбивается. По спине идёт судорога дрожи. И, впадая в ступор, я чувствую, как совершенно нелогично между ног мне становится горячо и мокро.

— Ты почувствуешь...

Его губы едва-едва касаются кромки моего уха.

— Чистую... прозрачную... уязвимость.

Дыхание рвётся, рвётся, рвётся! От его горячего мужского запаха и практически физически ощутимого давления на меня. Этот запах пронизывает изнутри, упираясь в самое чувствительное место где-то внизу живота. Как будто я лечу вниз на качелях. Мурашки, идущие по спине, превращаются в какое-то жгучее онемение, обхватывающее мою шею, лицо, концентрируясь на затылке...

— Давай мне свою уязвимость, Саша...

Вспышка...

Меня огушает от оргазма. Тело передёргивает. Судорожно, неконтролируемо вдыхаю, хватая пальцами воздух.

Щелчок... Щелчок...

— Спасибо... Всё.

ГЛАВА 1

ПРОБЛЕМА ПОШЛОСТИ

Долгое сидение в одной позе — это нагрузка. Особенно, если поза вынужденная, и приходится удерживать на весу руки или ноги...

— Сашенька...

Педагог по скульптуре, пожилая Елена Николаевна, поправляет мне позу.

— Ещё пятнадцать минут. Потерпи...

Несколько студентов ваяют мой силуэт в уменьшенной пропорции.

Моя ступня поставлена носочком внутрь и приподнята на пальцах. А руки подняты. И так уже второй час. Я привыкла к нагрузкам такого рода и неподвижности. Но сегодня мне почему-то тяжело даётся поза. Белая простыня, прикрывающая пах, съезжает по бёдрам.

Икру сводит, и я, невольно вскрикнув, начинаю её разминать. Голая грудь покачивается от ритмичных движений. Ловлю несколько горячих взглядов.

— Всё, на сегодня достаточно! — поднимая руку вверх, останавливает процесс Елена Николаевна.

Поднимаюсь, разминая тело. Оборачиваюсь простынёй. Ближайший ко мне парень отходит от скульптуры, вытирая

руки фартуком, и протягивает мне ладонь, помогая спуститься. Прихрамывая, преодолеваю три ступеньки пьедестала.

— Спасибо, — взлетают его ресницы, открывая прямой горящий взгляд.

— За что?

— За красоту... — трепетно вздрагивают ноздри.

Сдержанно улыбнувшись, киваю и ухожу в раздевалку. Останавливаюсь перед зеркалом. Простыня падает в ноги.

Веду пальцем по зеркальной поверхности, обрисовывая каплеобразную грудь, немного тяжеловатую на хрупкой фигуре. В остальном моё тело идеально.

Кисть не терпит абсолютного совершенства, как и глина. Изображение получается выхолощенным. И для натурщиков важно, чтобы что-то в их теле оживляло образ. В моём теле это грудь и глаза. Грудь у меня великовата... А глаза бабушкины: большие, открытые, с очень светлой серой радужкой, которая обведена широкой тёмно-сизой каймой. Один художник сказал, что это делает взгляд очень глубоким.

После двухчасового позирования я чувствую себя уставшей и липкой. Мышцы подрагивают от перенапряжения. Стрейчинг можно сегодня отменить. Тем более что если меня выберут для фотосета, я на него не успею.

Быстро ополаскиваюсь. Отжав волосы, собираю их в шишку.

Телефон пиликает смской. Это Стас. Он должен отвезти меня на кастинг.

На выходе из Института искусств меня догоняет тот самый парень из группы студентов.

— Александр...

Немного смущённо останавливаюсь. Я не привыкла общаться с теми, кто рисует или фотографирует меня, за рамками павильонов и студий. Мне кажется, это интимно,